

Что такое

успех?

Юрий Погребничко:
«Не ради «толпы...»

ИТАР-ТАСС

Мы все стоим перед выбором, какой способ существования предпочесть. Всю жизнь бежать, пока есть силы, соревноваться, занимать места. Или стать на позиции нищего, который никогда не бежит, а сидит в своей ветхой одежде. Кстати, нищему тоже непросто, безусловно. Он находится в теле, значит, он как-то должен от ветра прикрываться, организовать себе возможность индивидуального существования и продержаться, удержать свой мозг, чтобы он не бежал (потому что мысленно можно бежать и сидя на месте — именно таким образом бегут порой куда-то творческие люди).

Может ли быть искусство без успеха? Конечно! Мы могли бы с вами знать: этот предмет красив, как некое качество, но более или менее он красив? Это проблема наших возможностей. А в мире, где все построено в форме соревнования, это решает жюри. Но жюри может ошибиться, и если мы-то ЗНАЕМ, то жюри нам — все равно!

С другой стороны, сам ли художник успешен? Ван Гог при жизни успеха не имел. А если Ван Гога уже нет — у кого успех? Это же очень важно! У того, кто его раскрутил?

К примеру, у нас маленький театрик — откуда человек знает, что сюда надо прийти? Меня очень беспокоит, что практически нет возможности получить правильную информацию о таком маленьком театре, как наш. Во Франции я больше известен, потому что Франция — маленькая страна. Я ведь преподаю, веду мастер-классы, люди театра узнают круг моих идей, способы работы, распространяют информацию, критики приезжают, пишут. Наш критик думает, что надо писать «для всех». А во Франции знают, что писать надо для ограниченного числа людей — фактически только для критиков, те, кто пишут, берут на себя функции экспертизы. По словам Дюле, в театре публика делится на три категории: снобы первой величины, которые определяют, что это за искусство, снобы второй величины, более многочисленные, которые слушают первых и распространяют эту информацию, и остальная публика, которая слушает вторых; при этом тех, кто понимает искусство, в зале нет никогда. Пессимистический взгляд, но я склонен думать, что это так. Рассуждая теоретически, понимающие должны где-то быть, но практически их никогда нет.

Успех может быть без искусства. Это — правильная констатация положения дел. Я не хочу, чтобы меня знала толпа, «народ» — это другое: это Пушкин... «Раскрученный» успех опасен — он неинформативен для того, кто знает, что именно он хочет видеть. Идеально, чтобы в зале сидели всего 10 человек, но с высоким уровнем восприятия.

Для меня успех — это мои изменения. Успех — сохранить хотя бы малый интерес к тому, чем я занимаюсь.

А стратегии достижения успеха у меня нет, потому что я категорически ее не перевариваю. Вообще наличие этих качеств в себе неприятно — как будто чего-то наелся, противно.